
НОРЦИЯ

Министерство образования Российской Федерации

НОРЦИЯ

Выпуск 3

Воронеж 1999

ББК 63.4

Рекомендовано к опубликованию Ученым советом исторического факультета Воронежского госуниверситета.

Печатается по решению
Ученого совета колледжа "Номос"

Норция. Вып. 3. Воронеж: Издательство «НОМОС» 1999, 230 с.

Сборник носит имя этрусской богини истории, что отражает специфику проблем, которыми много лет занимается кафедра археологии и истории древнего мира ВГУ - изучение становления и эволюции древних цивилизаций Старого Света. В статьях сборника наряду с данными традиции широко использованы материалы археологии, что позволяет выявить особенности развития и взаимодействия древнейших культур.

ISBN 5-89541-001-4

А.А.Семененко

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ И ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ОРТОДОКСАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРИРОДЕ ВАРНОВОГО СТАТУСА БРАХМАНА.

"Люди, называемые брахманами…предаются в уединении размышлениям и раздумьям. Добровольно удивительные тяготы для тела они …стойко переносят… у них есть один особенный источник - источник Истины" (Дион Христостом. Речи. XXX. 22).

"Брахманы говорят, что только они одни видят Свет, который, по их мнению, есть Логос, потому что только они одни отбросили суетность" (Ипполит. Опровержение всех ересей.I.24.2).

"Кто же именно такой брахман ? – Тот, кто непосредственно… постигнув Атман (Душу)… пребывает …тот, поистине, брахман…Нет иного пути к достижению брахманства" (Ваджрасучика-упанишада, 9).

Предметом данной работы является анализ данных о природе варнового статуса древнеиндийского брахмана, сохранившихся в сочинениях античных авторов последних веков до н. э. – первых веков н. э. и в древнеиндийских ортодоксальных источниках примерно того же периода. Из античных авторов мы используем сообщения командиров армии Александра Македонского Аристобула, Неарха и Онесикрита, биографов Александра Арриана и Плутарха, посла царя Селевка Никатора к царю Чандрагупте Маурье Мегасфена, посла царя Птолемея Филадельфа к царю Ашоке Дионисия, греческого оратора Диона Христостома или Златоуста, главы христианской богословской школы в Александрии Тита Флавия Клемента, христианского богослова из Сирии Бар Дейсана, пресвитера Карфагена Тертуллиана, автора

жития Аполлония Тианского Филострата и епископа распологавшегося неподалеку от Рима города Портуса Ипполита.[1] Под ортодоксальными древнеиндийскими источниками мы подразумеваем составленные на санскрите и признающие авторитет вед младшие упанишады древности (Майтри (далее Мау), Мундака (далее Муу), Прашна (далее Пу) и Шветашвара (далее Шу)) и раннесредневековые упанишады (Ваджрасучика (далее Ву), Субала (далее Су) и Чхагалея (далее Чу)), комментарий Гаудапады к Мандукья-упанишаде под названием Мандукья-карики (далее ГМк) и работы выдающегося представителя его школы Шри Шанкарачарии (далее ШШ), древнеиндийские сборники законов Манусмрити (далее Мсм) и Яджнавалкьясмрити (далее Ясм), дхармасутры Апастамбы (далее Адс), Баудхаяны (далее Бдс), Васиштхи (далее Вдс) и Гаутамы (далее Гдс) и Нарададхармашастру (далее Ндш) и эпические поэмы Махабхарата (далее Мхбх) и Рамаяна.[2]

В отечественной индологической науке существует мнение об определенной тенденциозности сообщений древнеиндийских текстов о брахманах, поскольку они составлялись самими брахманами с учётом интересов их варны.[3] С другой стороны, в антиковедении сложилось мнение, что античные авторы сознательно идеализировали образ древнеиндийского брахмана и использовали его как средство ожесточенной полемики по собственным философско-социологическим вопросам, возникшим в процессе осмысления кризиса античного общества и его культуры.[4] Нам представляется, что совпадение описаний брахманов в источниках обоих родов скорее свидетельствует о том, что они в первую очередь отразили действительную историческую реальность и только во вторую были использованы как инструмент борьбы за свои взгляды и интересы.

Аристобул (Страбон, География. XV.I.61) в

древнеиндийском городе Таксила или Такшашила в северо-западной части Индии сам "видел…двух мудрецов или софистов", причем "и тот и другой были брахманы, старший с обритой головою, а младший носил длинные волосы; обоих сопровождали ученики". Особенно поразило грека то, что "на рынке…они имели возможность брать какой хотели товар" и что "всякий, к кому они подходили, умащал их сесамовым маслом в таком количестве, что оно текло у них по глазам"; таким образом они "питались даром". Это подтверждает данные древнеиндийских источников (Мсм III. 96; VIII. 341; X. 102; Ясм II. 166; III. 41, 43-44). Аристобул объясняет эту расточительность индийцев тем, что брахманов "почитали как советников". Видимо, имеется в виду традиционный индийский институт отношения к брахманам как к духовным руководителям общества или гуру (Мхбх I. 80. 11-15; II. 22. 21-30; III.1.31, 25.5-11, 27.9-20; IV. 63. 1-8; V. 80. 10-19, 81. 58-64, 94. 26-34, 147. 11-30; VII. 119. 22-28). При этом оба описанные брахмана были адептами хатха- и прана-йоги или исполняли особые упражнения в специальных позах (асанах) для достижения контроля над своим телом и жизненными энергиями[5]; это было частью их аскетической доктрины.

Арриан сообщает (Анабасис, VI.16.3-5; 17.1-2), что брахманы или "индийские мудрецы" подняли местных царей Мусикана и Самба/Сабба на восстание против Александра и за это он приказал казнить их как зачинщиков. Плутарх добавляет (Александр, LXIV-LXV), что взятые "в плен десять гимнософистов или нагих мудрецов", которые побудили Сабба сопротивляться, были "известны своим умением давать краткие и меткие ответы". Оно спасло брахманов от гнева завоевателя и он даже пожелал узнать о взглядах живших отдельно от них ещё более почитаемых мудрецов через посредничество философа-киника Онесикрита .

Онесикрит (Страбон, XV.I.63) "был послан к

софистам…15 человек из них в 20 стадиях от города… голыми в разных позах неподвижно стояли, сидели или лежали до вечера и затем возвращались в город". Мы снова видим, что софисты (под которыми можно предполагать и брахманов, судя по предыдущему сообщению) были нищенствующими аскетами, подвергавшими себя самоистязанию с целью избавиться от подчинения своему телу и жизненным дыханиям (пранам) и стать их сознательным руководителем[6]; в древнеиндийских источниках этот процесс обозначается хорошо известным термином “тапасья”[7]. Онесикрит смог познакомиться с учением этих софистов (Страбон, XV.I.65), которое сводилось к тому, чтобы избавить “душу от радости и печали”; то есть, используя индийскую теорию освобождения, добиться разотождествления души (атман/брахман/пуруша) с движениями ее витальной или жизненной оболочки или тела жизненного дыхания (пранакоша упанишад), которые характеризуются постоянной сменой настроений (Мхбх III. 38. 32-36). Онесикрит отметил, что, наряду с изучением собственного существа, софисты “занимаются также исследованием физических явлений, изучают приметы, причины дождей, засухи, болезни”; то есть что они в целом являются представителями наиболее сознательной, рефлексирующей части общества. Как и Аристобул, Онесикрит говорит, что “в городе” софисты “расходятся по рынкам и у первого встречного, несущего смоквы или виноградные гроздья, берут все это как добровольный дар. Если есть оливковое масло, то их обильно умащают маслом и они натираются им”. Онесикрит делает важное добавление: “Каждый богатый дом открыт для них, включая и женскую половину. Войдя в дом, софисты разделяют трапезу и принимают участие в беседе” (ср. Мхбх III. 62. 37-40). Допуск в “женскую половину” подразумевает уверенность в непорочности гостя и в его высоких моральных качествах.В

древнеиндийских источниках очень часто упоминаются кормление и одаривание и содержание брахманов (Адс II. 25. 8-9, 26. 1; Гдс II. 1. 9-12; Мхбх I. 119. 1-4; II. 2. 1-13, 5. 84-95, 11. 52-61, 30. 42-51, 45. 12-35; III. 2. 49-50 и 70-79, 3. 12, 4. 1-10, 28. 10-18, 31. 8-15, 33. 55-58, 37. 33, 47. 4-7, 78. 9, 79. 4-9, 80. 48-51, 93. 1-8 и 17-27 и мн. др. примеры; Ясм I. 314, 322).

Наконец, Неарх как бы подытоживает сведения Аристобула и Онесикрита и в то же время лаконично определяет профессиональные занятия брахманов: "Часть брахманов занимается государственными делами, сопровождая царей в качестве советников; остальные софисты изучают физические явления… все они ведут строгий/суровый образ жизни" (Страбон, XV.I.66).

Своё описание брахманов оставил нам Мегасфен (ок. 302 г. до н.э.) и оно сохранилось, в частности, в "Географии" Страбона, "Индике" Арриана и "Исторической библиотеке" Диодора Сицилийского. По Мегасфену (Страбон, XV.I.39, 49), в семичастном индийском обществе "философы" составляли особую "касту философов" и еще входили в "касту советников и помощников царя"; причем он говорит о "двух родах" философов и "одних он называет брахманами" (Страбон, XV.I.59). Рассмотрим сначала их социальное положение и профессиональные занятия. Они являются "первыми по достоинству" и "к ним обращаются, к каждому особо, те, кто приносит жертвы богам или умершим, а ко всем совместно цари на так называемом великом совете: сюда собираются в начале нового года все философы к воротам царского дворца. Каждый из них всякое своё сочинение или наблюдение, полезное для увеличения урожая плодов, приплода животных или в отношении управления государством, сообщает публично. Трижды уличённый во лжи по закону должен всю жизнь молчать. Тот же, кто оказался прав, освобождается от податей и налогов" (Страбон, XV.I.39). Таким образом брахманы

могут выступать в роли жрецов (ср. Адс II. 10. 5; Бдс I. 10. 18. 2; Вдс XIX. 3-6; Гдс II. 1. 2; Мсм I. 88; Мхбх III. 149. 27-36) и советников по делам управления государством и хозяйством (артхашастринов) (Гдс II. 2. 12-14; Ясм I. 311) и по крайней мере некоторые из них являются привилегированными в налоговом отношении членами общества; это подтверждает данные древнеиндийских сборников законов об освобождении "учёных брахманов" (Адс II. 26. 10; Вдс XIX. 23, 37; Ндш III. 14) и брахманов вообще от налогов (Гдс II. 1. 10-11). В руках брахманов-советников "находятся высшие должности, судопроизводство и управление всеми государственными делами" (Страбон, XV.I.49). Это тоже подтверждает данные древнеиндийских сборников законов о законодательных, судебных и административных функциях брахманов (Гдс II. 4. 26; Мсм VIII. 9, 11; XII. 110, 112-114; Ясм II. 1, 3, 185). Казалось бы, на основании этих данных Мегасфена можно сделать вывод о природе варны брахманов как о сословии профессиональных советников по всем сферам жизни общества; но сам Мегасфен важным замечанием опровергает возможность такого просящегося на первый взгляд умозаключения: брахманам "дозволено…жениться на женщине из другой касты, менять занятие или работу одну на другую, равно как и совмещать несколько должностей…ради их высоких достоинств" (Страбон, XV. I. 49). В древнеиндийских сборниках законов свобода выбора профессии брахманом, правда, ограничивается "чрезвычайными обстоятельствами" (Мсм VIII. 348; X. 81-82, 85; Ндш I. 56; Ясм III. 35, 42; см. также Мхбх XII. 296. 3-4) и (при них) определёнными видами деятельности (Гдс II. 1. 5-6; Мсм IV. 3-6; X. 83, 85-89, 92-93, 117; Ндш I. 56-67, 111; Ясм III. 36-40), но характерными для членов варн воинов или кшатриев и производителей или вайшьев.

Что же это за "высокие достоинства", которые

позволяют человеку считаться брахманом и выполнять какие угодно функциональные роли в системе общественных отношений или не выполнять их вообще и при этом все равно пользоваться в обществе по сравнению с прочими философами "большим почётом" (Страбон, XV.I.59) ? Следует, вероятно, обратиться к "их учениям" и вытекающему из них образу жизни: они "пребывают в парке перед городом, в скромной ограде; они живут просто, спят на соломенных подстилках и звериных шкурах, воздерживаются от употребления в пищу животных и от любовных утех, слушая беседы только на серьёзные темы и сообщаясь лишь с теми, кто хочет слушать их; слушателю запрещено разговаривать, кашлять и даже плевать: если он позволяет себе это, то его изгоняют на тот день из сообщества как человека распущенного. Прожив таким образом 37 лет, каждый возвращается в свое владение и живет более спокойно и свободно, носит льняную одежду и скромные золотые украшения в ушах и на руках, употребляет в пищу мясо животных, которые не являются помощниками человека в труде, воздерживаясь от острой пищи и пряностей. Они берут себе в жены как можно больше женщин, чтобы иметь много детей, так как от многих женщин можно иметь и больше достойных детей: ввиду отсутствия рабов им необходимо обеспечить себя лучшими услугами наиболее близких" (Страбон, XV. I. 59). Такое описание течения жизни брахмана хорошо соотносится с двумя стадиями его земного существования (ашрамами) – периодом целомудренного дисциплинированного обучения знанию о Боге (атман/брахман) (брахмачарья) и периодом семейного бытия просветлённого домохозяина (грихастха) – в изложении древнеиндийских авторов (Мсм IV. 1; Мхбх XII. 234. 1-5).[8]

Какие же "учения" являются источником такого социального поведения брахмана ? "Чаще всего философы говорят о смерти. Они считают здешнюю

жизнь как бы только ребёнком во чреве матери, а смерть рождением к истинной и блаженной жизни для философов. Поэтому они больше всего свыкаются с мыслью быть готовыми к смерти" (Страбон, XV. I. 59). Такие взгляды можно объяснить тем, что "здешний" или материальный мир для брахмана суть лишь один из созданных особой формой сознания миров (лока) их вселенского Психокосма, ибо для них нет материального мира в современном общепринятом смысле этого слова, материальный мир – только одна из форм сознания Вселенского Господа Миров. "По их представлениям, ничто из того, что случается с людьми, само по себе ни хорошо, ни плохо, потому что иначе по одному и тому же поводу одни люди не могли бы печалиться, а другие радоваться; те и другие живут как бы во сне; одни и те же люди также не могли бы в одних и тех же случаях то печалиться, то, изменив настроение, снова радоваться" (Страбон, XV. I. 59). То есть события получают субъективную окраску только при восприятии их личностным сознанием и сами по себе являются лишь неутомимым бегом энергий Единого Вселенского Существа (Ясм III. 144-155): разотождествление души с личностным сознанием открывает путь к её отождествлению с сознанием этого Вселенского Существа (Мсм XII. 91, 118-119, 125; Мхбх XII. 214. 3) и после этого все субъективные оценки исчезают (Ясм III. 143). "Что касается учения брахманов о природе, то Мегасфен говорит, что некоторые их взгляды выдают наивность мышления... так как /они/большей частью стараются доказывать свои убеждения мифами" (Страбон, XV. I. 59). Для человека, незнакомого с понятием Психокосма и с символической формой передачи в мифах информации о нём, взгляды брахманов естественно будут свидетельством "наивности мышления", например, описание мироздания как жертвенного коня в начале Брихадараньяка-упанишады.[9]

"Они полагают, что мир сотворён и обречён на гибель", но, что "Бог, который создал и управляет этим миром и проникает всю вселенную", позволяет человеку посредством осознания "бессмертия души" стать причастным к Нему и избежать гибели (Страбон, XV. I .59). Мы добрались, на наш взгляд, до сути "учений" индийских брахманов – мир без Бога есть "сон" или иллюзия (майя); Бог есть Мировая Душа (атман/брахман), индивидуализировавшая Себя в мириадах творений и их субъективных сознаний; путем идентификации личного сознания с этой Душой в себе и других человек становится причастным Богу; и последнее: носителем этого знания являются брахманы. Вот что является источником их необычных "учений" и "высоких достоинств" и экстраординарного образа жизни; в этом заключается природа варнового статуса брахмана.

Посол царя Птолемея Филадельфа к царю Ашоке Дионисий (ок. 250 г. до н.э.) описал четырехварновую структуру древнеиндийского общества и она была сохранена Плинием Старшим в его "Естественной истории" (VI.66). Брахманы легко угадываются в сословии "лучших и богатейших" (optimi ditissimique), которые "общественные дела/народы/государства контролируют, суды вершат и царями садятся/становятся/являются" (res publicas temperant, iudicia reddunt, regibus adsident). Это сообщение подтверждает данные Мегасфена о возможных социальных функциях брахманов. В древнеиндийских источниках они описываются и как фактические руководители государств от имени кшатриев (Мхбх I. 159. 13-22, 180. 1-13), и как содержащие "из милости кшатрия или вайшью" (Мсм VIII. 411), и как руководители "остальных трёх варн" (Мхбх XII. 268. 7). Обращает на себя внимание только упоминание о богатстве брахманов, о чём до этого нигде у античных авторов не говорится.

Важным подтверждением правильности нашего понимания природы варнового статуса брахмана являются “Речи” Диона Христостома (ок. 40- после 112), который начинает с описания протекающих в Индии сказочных “рек” с молоком, вином, мёдом и оливковым маслом вместо воды (Orat., XXXV.18). Но вот последующие его слова чрезвычайно интересны: “ Хотя там и существуют столь великие блага, все же находятся люди, называемые брахманами, которые покидают эти реки и, уйдя, предаются в уединении размышлениям и раздумьям; добровольно приняв на себя удивительные тяготы для тела, они стойко переносят их. Говорят, что у них есть один особенный источник, источник Истины, самый лучший и наиболее чтимый изо всех остальных. Испивший из него не может лгать” (Orat. XXXV.22). Реки изобилия, по нашему мнению, символизируют привязанность к мирской жизни; “источник Истины” – это буквальная передача без расшифровки древнего индийского символа Светящихся Потоков Энергий Божественного Знания.[10] Далее Дион Христостом говорит о выделении индийцами в качестве советников царя “брахманов, отличающихся воздержанием, справедливостью и любовью к Божественному, благодаря чему они больше знают о будущем, нежели другие люди о своей настоящей жизни” (Orat., XXXXIX.7). Таким образом, у Диона Христостома брахман предстаёт как просветлённый провидец и аскет-носитель высоких моральных и нравственных качеств.

Глава христианской богословской школы в Александрии Тит Флавий Клемент (ок. 150-211/216) в своём сочинении “Ковры” сохранил описание брахманов его учителем Пантеном, совершившим миссионерскую поездку в Индию. Он пишет, что “философию” среди индийцев “с давних пор” “представляли” “гимнософисты или нагие мудрецы” и что одну часть их “племени” называют брахманами (I.15.71). Он добавляет, что

"брахманы не употребляют животной пищи, не пьют вина, но некоторые из них… принимают пищу каждый день, а другие раз в три дня" (III.6.60); кроме того, они "не живут с женщинами, полагая, что это противно природе и противозаконно" (там же). Мсм запрещает брахману пить спиртное под угрозой перехода в варну шудр (XI. 98), Бдс требует за "питьё хмельных напитков" ставить брахману на лоб клеймо с изображением "вывески кабатчика" и изгонять его из страны (I. 10. 18. 18), а Гдс вообще призывает "влить горячую водку" ему "в рот" и таким образом умертвить его (III. 5. 1). Клемент сообщает, что "брахманы… живут в горах и дышат чистейшим воздухом, проводят жизнь наиболее совершенную и насыщенную по сравнению с другими людьми" (фрагмент FHRI, C. 107). Рассказывая об их взглядах, он повторяет, что "они презирают смерть и совсем не ценят жизнь, ибо убеждены, что существует повторное рождение" (III.6.60). Теория пунарджамны или перерождения является характерной особенностью древнеиндийского мировоззрения рассматриваемого периода (Мау III. 2; Муу I. 2. 9-10; III. 2. 2; Мхбх XII. 299.12; Пу V; Ясм III. 131-139).

Ученик Плотина Порфирий сохранил в своих сочинениях описание брахманов христианским богословом из Сирии Бардесаном или Бар Дейсаном (154-ок. 222), почерпнувшим свои сведения из бесед с прибывшими ко двору императора Марка Аврелия Антонина Элагабала (218-222) индийскими послами во главе с неким Сандалом/Дандалом/Дандамием/Манданием. Бар Дейсан рассказывает об озере для судебных испытаний истцов и ответчиков и о том, что "некоторые из брахманов испытывают их" и потом "вытаскивают из воды" и "назначают… /виновному/ наказание" (Порфирий. О Стиксе. Стобей. I.3.56.1). Ясм подтверждает участие брахманов в ордалиях (II. 97). Затем Бар Дейсан делает одно из самых ранних описаний

древнеиндийского пещерного храма “в очень высокой горе” в “большой естественной пещере” и находящейся там “статуи высотой 10 или 12 локтей”; как можно предположить из описания, эта статуя символизировала вселенную как Единое Существо (Вират-Пуруша) или “мировой порядок”, поскольку в ней сочетались Мужское и Женское Начала (Брахман-Сущность и Пракрити-Форма) в виде разнополых половин и на ней были изображены “солнце”, “луна”, “множество ангелов и всё, что есть в мире: и небо, и горы, и море, и реки, и океан, и растения, и животные, и вообще всё, что существует” (там же,I.3.56.2). Чуть ли не впервые в индийской истории Бар Дейсан упоминает брахманов как храмовых служителей, говоря о статуе: “брахманы обмахивают её” (там же).

В другом отрывке Бар Дейсан сообщает, что “в обществе индийцев… есть некий род святых мудрецов, которых эллины обычно называют гимнософистами или нагими мудрецами. Среди них существуют … брахманы, которым отдаётся преимущество… ведь брахманы получают эту самую божественную мудрость по наследству, подобно жреческому сану” (Порфирий. О воздержании от животной пищи. IV.17). Упоминание передачи сокровенного знания о душе или “божественной мудрости по наследству” есть в используемых нами упанишадах (Мау VI. 29; Муу III. 2. 9; Шу VI. 22). Затем Бар Дейсан сообщает, что “все брахманы из одного племени и все они происходят от одного и того же отца и одной и той же матери” (там же). Здесь он лишь буквально передаёт символический древнеиндийский миф о родоначальнике людей Ману, который, видимо, следует понимать как классификацию людей как наделённых разумом (манас) мыслящих живых существ (манавов).[11] Далее Бар Дейсан подтверждает сообщения древнеиндийских источников (Гдс II. 2. 1, 7; Мхбх I. 148. 2-16; II. 58. 7) о властном и налоговом иммунитете варны

брахманов: “Брахман не подчиняется царю и не платит подати вместе с другими” (там же). Бар Дейсан делит брахманов на “горных философов” и “живущих у реки Ганг” и сообщает, что первые “питаются плодами и коровьим молоком, заквашенным на травах”, а вторые – “плодами” и “диким рисом”; “употребление в пищу чего-нибудь другого, равно как и прикосновение к животной пище, рассматривается ими как верх нечистоты и бесчестия” (там же). Такие описания образа жизни брахманов в стадиях (ашрамах) брахмачарьи (ученичества), ванапрастхи (лесного отшельничества) и саньясы (бродячего нищенствующего монашества) типичны и для древнеиндийских источников, в частности, Мхбх.

Далее Бар Дейсан описывает “учение” брахманов: “они тщательно исполняют религиозные обряды по отношению к божеству, почитают и созерцают. Целый день и большую часть ночи они посвящают пению гимнов в честь божества и молитвам. У каждого из них есть своя хижина, где он и проводит большую часть времени в уединении. Ввиду этого не принято ни долго беседовать, ни долго находиться в обществе брахманов, но если такое случается, они, уединившись на много дней, сохраняют молчание, а часто и постятся” (Порфирий. О воздержании…IV.17). Таким образом брахманы постоянно практикуют интенсивную самодисциплину с целью успокоения своих субъективных и потому эгоистических импульсов и культивируют в себе преданность и любовь (бхакти) к Богу, чтобы добиться отождествления со своей душой и через неё с Мировой Душой (Мхбх XII. 237. 24; Су 9). “Другие так почитают… брахманов, что сам царь приходит к ним и умоляет их молиться и просить обо всём, что происходит в стране, или посоветовать ему, как нужно действовать” (там же). Общественно-политический авторитет брахманов основывался на восприятии их окружающими как

воплощения Бога (Мсм I. 98; Мхбх XII. 237. 23).

В заключение Бар Дейсан с неодобрением рассказывает о распространённом среди брахманов обычае добровольного самоубийства путём самосожжения, потому что они "время жизни выдерживают неохотно, как какую-то повинность, установленную природой, и спешат освободить свои души от тел" (там же, IV.18). Тут он точно описывает состояние воплощённой души как пребывание в заключении согласно древнеиндийским источникам (Мау IV. 2; VI. 30; Мхбх XII. 323. 22); но последние, в целом, не подтверждают широкой практики самоубийств среди брахманов.

Подытоживая данные Бар Дейсана о брахманах, можно сказать, что он подтверждает наше мнение о них как об особенных просветлённых людях или "святых мудрецах", которые поэтому являются духовными руководителями общества; при этом они могут исполнять судебные функции и начинают выступать в роли храмовых служителей, что ранее было им несвойственно, поскольку и храмов ранее в Индии не существовало[12]; они обладают налоговым и политическим иммунитетом по отношению к государству.

Пресвитер Карфагена и знаменитый христианский богослов Тертуллиан (ок. 160 – после 220) писал (Tert. Apologet. 42), что "брахманы /суть/ отшельники или обитающие в лесах индийские нагие мудрецы" или, по другому варианту перевода, те, "которые обитают в лесах и отрекаются от жизни".

В написанном Филостратом житии Апполония Тианского брахманы описываются как мудрецы, обладающие знанием о Мировой Душе и о перерождении.

Одно из самых ярких и точных описаний природы варнового статуса брахмана оставил епископ города Портус Ипполит (ум. 236) в своём труде "Опровержение

всех ересей" или "Философумена" (I.24). Сначала он подтверждает более ранние сообщения о том, что "среди брахманов" имеется "секта философствующих", "которые ведут обособленный образ жизни, воздерживаются ото всякой животной пищи, а также от пищи, приготовленной на огне. Они довольствуются плодами, но не сорванными с деревьев, а подобранными с земли" (1). Затем он чётко формулирует саму сущность варнового положения брахмана: "Они проводят жизнь нагими, утверждая, что тело – это одеяние души, данное богом. Они считают, что Бог – это Свет, но не такой, какой может видеть всякий, и не подобный солнцу и огню. Ведь для них Бог – это Логос, не изречённый, но Логос знания, посредством которого скрытые тайны природы становятся видимы мудрецам. Брахманы говорят, что только они одни видят Свет, который, по их мнению, есть Логос, потому что только они одни отбросили суетность, последнее одеяние души" (2). Именно такое определение брахмана даётся во всех используемых нами древнеиндийских источниках (Ву; ГМк IV. 85-86; Мау VII. 10; Мхбх III. 197. 31-42; 206. 9-14; V. 43. 29-37; VII. 165. 14-19; 172. 58-63; XII. 188. 16-17; 189. 17-18; 235. 13-22; 237. 22-23; 251. 1-7; 270. 33; Чу; Шу IV.15; ШШ). Потом Ипполит повторяет сведения других авторов о презрении брахманами смерти и постоянном воспевании ими в гимнах "вышеупомянутого Бога" (3). Затем он излагает своими словами древнеиндийскую концепцию Бога как "телесного" или имманентного божественного начала (ср. Мау II. 7; III. 3; V. 2; VI. 7, 30; VII. 11; Мсм XII. 122-123, 125; Муу II. 2. 8; III. 1. 4-5; Пу VI. 1-2; Шу I. 15-16; III. 7, 11, 13, 20; IV. 15-17; VI. 11; Ясм III. 69, 108-109, 111, 148, 162); он передаёт борьбу за познание души как внутреннюю войну "в теле" брахмана со своими "врагами": "желудком, половыми органами, глоткой, гневом, радостью, скорбью, желанием и им подобным" (5-6). Речь идёт о подчинении сознательному

контролю и успокоении всех своих нервных, жизненных и умственных импульсов: "только тот приближается к божеству /душе/, кто воздвигнет трофей в битве с этими врагами" (6) Описаниями этого конфликта и процесса пестрят все используемые нами древнеиндийские источники (в частности, на этом построена композиция гигантской эпической поэмы Мхбх).

Но Ипполит делает ещё одно очень важное замечание: "Те же, которые стремятся жить подобно им /брахманам/... тоже называются брахманами" (4). В этом сообщении мы видим упоминание об источнике формирования варны брахманов как разряда познавших свою душу людей (Мхбх III. 177. 16, 20-32; XII. 245. 11-14, 22—24; 264. 35; 270. 30-32; 271.27; 293. 5; 301. 14). Вторым источником является упоминаемая Бар Дейсаном передача "божественной мудрости по наследству". И то, что дело обстояло действительно так, подтверждают упоминания в Мхбх (I. 65. 27-39, 165. 43-44; III. 85. 9, 12; V. 104. 14-19; IX. 38. 22 и 30-33, 39. 1-29; XII. 194. 2 и 45-47, 308. 59, 181) и Рамаяне о переходе представителей варны воинов или кшатриев в варну брахманов в результате познания своей души (атмана/брахмана/пуруши). В одном случае речь идёт о рассмотрении брахманом просветлённого шудры или слуги как подлинного брахмана (Мхбх III. 206. 3, 9-14). Даже древнеиндийские сборники законов объявляют постижение своей души высшим законом (дхарма) существования дваждырождённых варн и особенно варны брахманов (Адс I. 22. 2; Мсм VI. 29-30, 33, 80-82; XII. 82-83, 85, 91-93, 118; Ясм III. 61, 63-66, 111, 190/191-194/195).

Таким образом, анализ данных античных и раннехристианских авторов и хронологически параллельных им сообщений древнеиндийских ортодоксальных источников показывает, что сущность природы варнового статуса брахмана заключается в его особом психологическом опыте, а не в его

имущественном, политическом или религиозно-иерархическом положении. Вывод о психологической природе варны брахманов ставит вопрос о природе варнового разделения общества вообще, однако рассмотрение этой проблемы выходит за рамки данной работы.

[1] См.: Страбон. География. В 17 книгах.Л., 1964; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. II. 35-42 // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2.М., 1980.С. 122-129; Флавий Арриан. Индия. I-XVII // История и культура Древней Индии: Тексты.М., 1990.С. 270-298; Арриан. Поход Александра.М.,1993; Плутарх. Сравнительные жизнеописания.М., 1999.С. 947-948; Вигасин А.А. Карта Индии в "Естественной истории" Плиния Старшего // ВДИ, 1999, № 1.С. 20-41; Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия и античность (Общая характеристика традиций) // Древний Восток и мировая культура.М., 1981.С. 111; он же и Карпюк С.Г. Сведения о буддизме в античной и раннехристианской литературе // Древняя Индия. Историко-культурные связи.М., 1982.С. 45-46; Кнабе Г.С. "Жизнеописание Аполлония Тианского"... // ВДИ, 1972, № 3.С. 30-37.

[2] См.: Упанишады в 3-х кн. Кн. 2.М., 1992.С. 113-168, 175-197, 205-207, 215-220; Sri Aurobindo. The Upanishads. Texts, translations and commentaries. Part 1.Pondicherry, 1994.P. 191-210, 295-315, 367-384; НАА, 1990, № 6.С. 85-96; Исаева Н.В. Слово, творящее мир. От ранней веданты к кашмирскому шиваизму: Гаудапада, Бхартрихари, Абхинавагупта.М., 1996.С. 115-162; Радхакришнан С. Индийская философия. Т. II.М., 1993.С. 559; Законы Ману.М., 1960; НАА, 1986, № 4.С. 126-138; НАА, 1988, № 3.С. 112-125; НАА, 1990, № 5.С. 107-124; Индия в литературных памятниках III-VII веков.М., 1984.С. 10-71; Самозванцев А.М. Об аутентичности текста "Апастамба-дхармасутры" // ВДИ, 1996, № 1.С. 102-113; он же: Правовой текст дхармашастры.М., 1991.С. 21-42; Махабхарата. Кн. I-V, VII-IX.М., 1950-1996; Махабхарата. Философские тексты. Вып. V, VII-VIII.Ашхабад, 1981-1984; Царь Джанака и отшельница Сулабха (Махабхарата XII. 308) // Восток, 1997,

№ 4.С. 118-137; Sri Aurobindo. The Essays on the Gita with sanskrit text and translation of the Gita.Pondicherry, 1989; Гегель Г.В. Об эпизоде "Махабхараты", известном под названием "Бхагавад-гита" В. фон Гумбольдта // Вопросы философии, 1994, № 11.С. 152-153.

[3] См.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности.М., 1985.С. 30, 41; Бухарин М.Д. Описание индийского государства в "Индике" Мегасфена // ВДИ, 1997, № 3.С. 147.

[4] См.: Штаерман Е.М. Кризис античной культуры.М., 1975.

[5] См.: Вивекананда Свами. Четыре йоги.М., 1993.С. 126-128, 130-132, 134-144.

[6] См.: Шри Ауробиндо Гхош. Синтез Йоги.М., 1993.С. 39-42, 323-334; Говиндан М. Бабаджи и традиция крийя йоги 18-ти сиддхов.М., 1996.С. 144-187.

[7] См.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия…С. 366; см. в авторитетном санскритском трактате по йоге этой же эпохи, Йога-сутрах Патанджали, и в комментариях Вьяса-бхашья на них о тапасе как о необходимом средстве и условии самопознания (II.1): Классическая йога ("Йога-сутры" Патанджали и "Вьяса-бхашья").М., 1992.С. 112; см.: Sri Aurobindo. The Essays…P. 468, 472-473; он же: The Life Divine.Pondicherry, 1989.P. 570 fn, 929.

[8] См.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия… С. 370-371.

[9] См.: Sri Aurobindo. The Upanishads… P. 327-328, 335-347.

[10] См.: Sri Aurobindo. The Secret of the Veda.Pondicherry, 1993.P. 86-117.

[11] См.: Шри Ауробиндо. Идеал человеческого единства.СПб., 1998.С. 263-264; он же: Синтез… С. 20; он же: Супраментальное проявление на земле. Перерождение и карма.К., 1993.С. 165.

[12] См.: Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия… С. 506, 581; Моде Х. Малая история искусств. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии.М., 1978.С. 33, 38, 58, 71.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богитов Эдуард Николаевич - аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета.

Веллас Георгис Янис - кандидат исторических наук, сотрудник Института истории и классической археологии в Афинах.

Гончаров Владимир Александрович -студент V курса исторического факультета Воронежского госуниверситета.

Коротких Людмила Михайловна - доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета.

Крюков Александр Самуилович - доцент кафедры русского языка Воронежского государственного педагогического университета.

Медведев Александр Павлович -профессор кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета.

Молчанов Аркадий Анатольевич - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Писаревский Николай Петрович - доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского госуниверситета.

Рязанов Владислав Владимирович - студент V курса исторического факультета Воронежского госуниверситета

Семененко Александр Андреевич - преподаватель колледжа “Номос”

Скогорев Александр Павлович - доцент кафедры культурологии Государственного университета нефти и газа им.И.М.Губкина .

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Норция

Выпуск 3

Компьютерная верстка: Коротких Л.М.
Художественное оформление: ВасильченкоИ.П.

ЛР № 065010 от 18.02.97. Усл. печ. л. 13,5. Тираж 500 экз.
394000, Воронеж, ул. Пятницкого, 67, тел. 71 – 35 – 36.